

и г о р ь
СОКОЛОВ

2

**МЕДИТАЦИИ
НА МЫСЛИ
ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА**

Игорь Соколов

**Медитации на мысли
Василия Розанова. том 2**

«Издательские решения»

Соколов И. П.

Медитации на мысли Василия Розанова. том 2 / И. П. Соколов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742387-2

Смерть, религия, Бог, Земля, Вечность, страх смерти, Любовь, страсть, половой акт, глубочайшая интимность, мистические обряды древности, Эрос во всех проявлениях жизни — у Василия Розанова нет темы, которой бы не затронула его гениальная мысль. В сборник Игоря Соколова включены стихи-медитации на мысли Розанова, которые несут в себе и попытку осмысления, и заключают его мысли в поэтический образ. В этот второй том вошло более 200 медитаций на самые значительные мысли Розанова.

ISBN 978-5-44-742387-2

© Соколов И. П.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Медитация 334	9
Медитация 335	10
Медитация 336	11
Медитация 337	12
Медитация 338	13
Медитация 339	14
Медитация 340	15
Медитация 341	16
Медитация 342	17
Медитация 343	18
Медитация 344	19
Медитация 345	20
Медитация 346	21
Медитация 347	22
Медитация 348	23
Медитация 349	24
Медитация 350	25
Медитация 351	26
Медитация 352	27
Медитация 353	28
Медитация 354	29
Медитация 355	30
Медитация 356	31
Медитация 357	32
Медитация 358	33
Медитация 359	34
Медитация 360	35
Медитация 361	36
Медитация 362	37
Медитация 363	38
Медитация 364	39
Медитация 365	41
Медитация 366	42
Медитация 367	43
Медитация 368	44
Медитация 369	45
Медитация 370	46
Медитация 371	47
Медитация 372	48
Медитация 373	49
Медитация 374	50
Медитация 375	51
Медитация 376	53
Медитация 377	54
Медитация 378	55

Медитация 379	56
Медитация 380	57
Медитация 381	58
Медитация 382	59
Медитация 383	60
Медитация 384	61
Медитация 385	62
Медитация 386	63
Медитация 387	64
Медитация 388	66
Медитация 389	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Медитации на мысли Василия Розанова

том 2

Игорь Павлович Соколов

© Игорь Павлович Соколов, 2016

© Рени Гвидо, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Василий Васильевич Розанов – великий русский писатель и философ родился (20 апреля (2 мая) 1856 года Ветлуга, Костромская губерния, Российская империя – умер 5 февраля 1919 года Сергиев Посад, Советская Россия) – русский религиозный философ, литературный критик и публицист. Вот так его в Википедии, с чем я не согласен, ибо Василий Розанов был не религиозным философом, а был философом и писателем мирового масштаба, который сумел сконцентрировать свою мысль до такой степени, что добрался до самой сущности человека, его метафизических корней.

Конечно Василий Розанов был грешником, как и все мы, и не был идеальным человеком, но осознание им своей ничтожности и несовершенства всего земного мира, как ни странно возвысило его, и дало ему возможность взглянуть далеко за горизонт человеческого опыта, в тот самый трансцендентный мир, закрытый от нас всеми богами.

Он жил на стыке столетий, и жил самой мучительной жизнью, рано потеряв своих родителей, он воспитывался своим старшим братом, которому было не до него. В 1880 году будучи студентом 3 курса, Розанов женился на бывшей возлюбленной великого русского писателя Достоевского – на Аполлинарии Прокофьевне Суловой, и обрек себя на жизнь с деспотичной и ревнивой женщиной, которая была намного старше его. и которая потом не давала ему развода, из-за чего Розанов вынужден был жить со второй женой без оформления брака, чем он очень тяготился, т. к. разрешения на развод не давала и русская православная церковь. Также его работа журналистом в различных газетах явила загадочный пример аполитичности или смещения его политических взглядов, он писал статьи то для монархических изданий, то для либерально-демократических печатных изданий, то даже для черносотенцев. И все же Бог явил ему истинного друга, спутника жизни в лице второй и незаконной жены – Варвары Дмитриевны Бутягиной – вдове – жене его покойного друга, преподавателя Елецкой гимназии, которая была верующей и очень мучилась, поскольку церковь в лице ее служителей не давала Розанову развод без согласия его жены. Однако Розанов не был бы Розановым, если бы не успокоил свою любимую жену тайным венчанием.

Парадоксальность его мыслей поражает своей глубиной и сверхчувствительной отточенностью.

В 1964 году американский писатель Сол Беллоу получил Нобелевскую премию за свой роман «Герцог», в котором его главный герой постаревший еврей Мозес постоянно цитирует розановские мысли. Правда, к чести Сола Беллоу, он всегда подчеркивает вкрапление в свой роман его мыслей. Почти каждый год я стал ездить весной в Сергиев Посад, в Черниговский Гефсиманский скит, где Василий Розанов был похоронен рядом со своим духовным другом – русским писателем и философом Константином Леонтьевым. Правда, могилы, как таковой нет, поскольку большевики в 1922 году сравняли все могилы, уничтожив их, но добрые люди поставили 2 креста на месте, где были погребены Константин Леонтьев и Василий Розанов. Вот так совершенно неожиданно сбылось пророчество самого Василия Розанова:» – Какой вы хотели бы, чтобы вам поставили памятник? – Только один: показывающим зрителю кукиш!» («Опавшие листья. Короб второй и последний»)

В мыслях Василия Розанова не случайно промелькнуло это явное предчувствие, он очень тонко ощущал материю жизни и ее тайну. На могиле Розанова в 1919 году был поставлен деревянный крест, и на нем была надпись из Евангелия, сделанная его духовным другом – священником, ученым и философом Павлом Флоренским: «Неисповедимы пути твои, Господи!» Кстати, трагичную судьбу Павла Флоренского Розанов также предчувствовал и описал это предчувствие – свой сон на пароходе в путевых очерках «Иная земля. Иное небо».

За несколько лет написания медитаций на мысли Розанова, он мне стал родным, живым и вполне ощутимым. Я даже не удивлюсь, если мы с ним встретимся там, на том свете, и пожмем друг другу руки, откуда бегут на бумагу и в комп мысли! Вот-с!

Самые лучшие произведения Розанова «Уединенное», «Опавшие листья – короб первый, короб второй и последний», «Последние листья», «Апокалипсис нашего времени», «Люди лунного света», «Темный лик», «Иная земля. Иное небо», «Во дворе язычников». Впрочем, у него тьма великолепных мыслей и книг!

Медитация 334

«Отроду я никогда не любил читать Евангелия. Не влекло. Читал – учась и потом, – но ничего особенного не находил. Чудеса (все «победы» над природой) меня не поражали и даже не занимали.

Слова, речи – я их не находил необыкновенными, кроме какой-то загадки лица, будущих знаний (разрушение храма и Иерусалима) и чего-то вещего. Напротив, Ветхим Заветом я не мог насытиться: все там мне казалось правдой и каким-то необыкновенно

теплым, точно внутри слов и строк струится кровь, при том родная!

Рассказ о вдове из Сарепты Сидонской мне казался «более христианским, чем все христианство».

Тут была какая-то врожденная непредрасположенность: и не невозможно, что она образовалась от ранней моей расположенности к рождению. Есть какая-то несовместимость между христианством и «разверстыми ложеснами» (Достоев.).»

(однако певчих за обедней с «Благословен Грядый во имя Господне» – я никогда не мог слушать без слез. Но это мне казалось зовом, к чему-то другому относящимся к Будущему и вместе с тем к Прежде Покинутому).»

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Несовместимость веры и ложесн разверстых —

Вот что – тяжело мучает – меня —

Наши предки – дети – пели песни —

Вечной бездны – не страшась – как и огня!

Медитация 335

«Можно рассказать о себе очень позорные вещи – и все-таки рассказанное будет „печатным“; можно о себе выдумывать „ужасы“ – а будет все-таки литература». Предстояло устранить это опубликование. И я, который наименее опубликовывался уже в печати, сделал еще шаг внутрь, спустился еще на ступень вниз против своей обычной «печати» (халат, штаны) – и очутился «как в бане нагишом», что мне не было вовсе трудно. Только мне и одному мне. Больше этого вообще не сможет никто, если не появится такой же. Но я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны (единичны в лице и «почерках»).

Тут не качество, не сила и не талант, а *sui generis generatio*. Тут, в конце концов, та тайна (граничащая с безумием), что я сам с собой говорю: настолько постоянно и внимательно и страстно, что вообще, кроме этого, ничего не слышу. «Вихрь вокруг», дымит из меня и около меня, – и ничего не видно, никто не видит меня, «мы с миром незнакомы». В самом деле, дымящаяся головешка (часто в детстве вытаскивал из печи) – похожа на меня: ее совсем не видно, не видно щипцов, которыми ее держишь. И Господь держит меня щипцами. «Господь надымил мною в мире».

Может быть.

(ночь).»

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Надымил Господь Всемудрый – мною в мире —

Я – точно – в бане – оголился нагишом —

Иль с хмельным народом – речь веду

в трактире —

А всем приятно слушать – сладко – хорошо!

Медитация 336

«Рождаемость не есть ли тоже выговариваемость себя миру...
Молчаливые люди и не литературные народы и не имеют других
слов к миру, как через детей.
Подняв новорожденного на руки, молодая мать может сказать:
«Вот мой пророческий глагол».»

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Вот мой – пророческий глагол —
Рождение – Слово – обратившееся к миру —
У Древа Жизни – вечный ствол —
Подобьем божьим распростерт одним пунктиром!

Медитация 337

«...«мое влияние» было бы в расширении души человеческой, в том, что «дышит всем» душа, что она «вбирает в себя все». Что душа была бы нежнее, чтобы у нее было больше ухо, больше ноздри. Я хочу, чтобы люди «все цветы нюхали»...

И – больше, в сущности, ничего не хочу:

И царства ею сокрушатся,

И всем мирам она грозит

(о смерти). Если – так, то что остается человеку, что остается
бедному человеку, как не нюхать цветы в поле.

Понюхал. Умер. И – могила.»

11 июля 1912.

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Цветок понюхал – умер – и могила —

Тебя – невидимым бессмертьем – окрылит —

По полю бродишь – здесь – с тоскливой миной —

Имея с Богом – очень чудный вид!

Медитация 338

«С рождением Христа, с воссиянием Евангелия все плоды земные вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от Его сладости. Как только вы вкусите сладчайшего, неслыханного, подлинно небесного – так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу. Кто же после ананасов схватится за картофель. Это есть свойство вообще идеализма, идеального, могущественного. Великая красота делает нас безвкусными к обыкновенному. Все „обыкновенно“ сравнительно с Иисусом. Не только Гоголь, но и литература вообще, науки вообще. Даже более: мир вообще и весь, хоть очень загадочен, очень интересен, но именно в смысле сладости – уступает Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просияла, озарила мир – сознательнейшее мировое существо, человек, потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен. Вот главное событие, происшедшее с пришествием Христа.»

Василий Васильевич Розанов «Темный лик»

Красота Христа вмиг ослепила всех —
Идеальность его черт смутила смертных —
Человек с ним ощутил свой жуткий грех —
И с тех пор любое счастье в мире меркнет!

Комментарий: Дочь Василия Розанова – Татьяна считала его книгу «Темный лик» антихристианской и просила отца, когда он умирал, отречься от нее, но Розанов не стал, сказав, что в ней многое верно. Его друг и священнослужитель – философ, ученый и писатель Павел Флоренский полагал эту книгу очень спорной, но только не антихристианской. Розанов утверждал, что язычество – это религия юности, а христианство – старости. Книга действительно спорная, но интересна необыкновенным взглядом Розанова, и в ней есть что-то истинное, или очень близкое к ней. Вот-с!

Медитация 339

«Неводом „прощения“, доброты своей, снисхождения – христианство охватило бездны предметов, ему вовсе ненужных, в его глазах ничтожных; схватило „князя мира сего“ и повлекло его – к умалению. Христианство есть религия нисходящей прогрессии, вечно стремящаяся и никогда не достигающая величины: „Христос + 0“. В каждый день и в каждый век, и во всяком месте, и во всякой душе человеческой получалось „Христос + еще что-нибудь“, „Христос + богатство“, „Христос + слава“, „Христос + удобства жизни“. Но это „что-нибудь“, прибавленное ко Христу, в душе нашей всегда только снисходило и малилось по мере возобладания Христа. „Князь мира сего“, таял, как снежный ком, как снежная кукла весной около солнца Христа. Собственно был оставлен христианам очерк „князя мира сего“, семьи, литературы, искусства. Но нерв был выдернут из него – осталась кукла, а не живое существо. Как только вы попыбуете оживлять семью, искусство, литературу, как только чему-нибудь отгадитесь „с душою“, – вы фатально начнете выходить из христианства. Отсюда окрики от. Матвея на Гоголя. Не в том дело, что Гоголь занимался литературою. Пусть бы себе занимался. Но варенье должно быть кисло. Гоголь со страстью занимался литературою: а этого нельзя! Монах может сблудить с барышней; у монаха может быть ребенок; но он должен быть брошен в воду. Едва монах уцепился за ребенка, сказал: „не отдам“; едва уцепился за барышню, сказал: „люблю и не перестану любить“ – как христианство кончилось.»

Василий Васильевич Розанов «Темный лик»

Неводом – прощенья – доброты —
Христианство охватило всех людей —
Жаль – что с ним – живые без мечты —
Сходили с грустью в мир теней!

Медитация 340

«Христос никогда не смеялся. Неужели не очевидно, что весь смех Гоголя был преступен в нем, как в христианине?! Я не помню, улыбался ли Христос. Печать грусти, пепельной грусти – очевидна в Евангелии. Радости в нем есть, но совершенно особенные, схематические, небесные; радости с неизмеримой высоты над землей и человечеством. Не будем обманываться „лилиями полевыми“. Это, во всяком случае, не ботаника и не садоводство, не наука и не поэзия, а только схема, улыбка над землею. В том и дело, что Евангелие действительно не земная книга, и все земное в высшей степени трудно связуемо или вовсе не связуемо с ним в один узел; не связуемо иначе, как искусственно и временно.»

Василий Васильевич Розанов «Темный лик»

Евангелие – книга внеземная —
Христа улыбка в небесах парит —
Никто – ей на земле обладает —
Имея – грех в душе – и отпечаток – стыд!

Медитация 341

«Вообще вся история, быт, песни, литература, семья суть задержки, теперь уже слабые – со времени Христа слабые – задержки мирового испепеления всех вещей во Христе-смерти. Смерть – вот высшая скорбь и высшая сладость. Таинство смерти никто ведь не разгадал. Она венчает скорби, а в скорбях истома таинственной эстетики. Трагедия трагедий. С этих точек зрения Христос есть Трагическое Лицо – как всегда и открывалось человеку, вождь гробов – как опять же это открывалось человеку: а мы не знаем, что это все – божественное, и именно не знаем – поскольку еще живем, так как жизнь есть „та сторона“, „изнанка“ Бога. Пытаются смерть отождествить с рождением. Возможно. Но отчего, например, рождение не отождествить со смертью? Когда родился человек – он в сущности умер; утроба матери – могила, уже зачатие меня – переход в смерть. Дело в том, что „здесь“ и „там“ пропастью разделены, как „низ“ и „верх“, „наружное“ и „внутреннее“. И что бы ни поставили на одном, какой бы термин, какой бы значок ни начертали – на другой придется выставить термин противоположный. „Мир“, „бытие“, „жизнь наша“ – не божественны; значит, „гроб“, „после кончины“, „тот свет“ – божественны. Или обратно: „мир“, „бытие“, „жизнь наша“ – божественны; тогда „гроб“, „после кончины“, „тот свет“ – демоничны. Но очевидно, что Иисус – это „Тот Свет“, поборающий „этот“, наш, и уже поборовший.»

Василий Васильевич Розанов «Темный лик»

Иисус – Тот свет – уже забравший Этот —
В его лице трагичном – наша Смерть —
Освещена таким безумным светом —
Что мы живем – уже готовясь умереть!

Медитация 342

«Грех, смерть, стыд – связаны, как числитель и знаменатель одной дроби. Изменяется знаменатель – не остается тем же и числитель, хотя бы цифра его была бы та же. У греков «не было чувства греха» (Хрисанов). Как же они смотрели на пол? Обратно нашему. Как мы смотрим? Как на грех. Грех и пол

для нас тождественны, пол есть первый грех, источник греха. Откуда мы это взяли? Еще невинные и в раю мы были благословенны к рождению. Мысль, что в

рождении семьи, в поле, содержится грех, есть одна из непостижимых исторических абберраций; она сейчас же перенесла святость в смерть, в гроб.

Как только человек подумал, что в рождении – грех, испугался его, застыдился,

сейчас же святость и славу он перенес в могилу и за могилу, и поклонился смертному и смерти».

Василий Васильевич Розанов

«Концы и начала, „божественное“ и „демоническое“, боги и демоны» (статья)

Когда связались – грех – и смерть – и стыд —
Когда пришло сознание пола – как проклятья —
Человек был превращен – в скорбящий вид —
Лишь за могилой ждущий святости в объятьях!

Медитация 343

«Он был демоничен, т. е. отрицателен по отношению к целому фазису всемирной истории, и отрицателен не по чувству, не по складу сердца, а по целому систематическому воззрению на историю, по «идеям» и «мыслям». Это его знаменитый

взгляд на 3 фазы всякого исторического развития, – первичной простоты, последующего цветущего усложнения и вторичного упрощения наступающего перед смертью.»

Василий Васильевич Розанов «Константин Леонтьев» (статья)

Философ – демон – он историю сравнил —
С цветком цветущим – увядающим – не сразу —
Точно с Богом чуя – равновесье сил —
Он – в купе с Вечностью —
 раскрыл свой мощный разум!

Медитация 344

«Безнравственность его относится совершенно очевидно только к любви, к разгулу,

к «страстям», к «эротике» особенно. Но, если не ошибаюсь, этим грешил и А. С. Пушкин, коего никто «безнравственным» не считает. Дело – бывалое, дело – мирское.

«Ну, что же, все от Адама с Евой».

Вообще следовало бы раз и навсегда и относительно всех людей на свете выкинуть эротику и страсти из категории моральных ценностей.»

Василий Васильевич Розанов «Константин Леонтьев» (статья)

Безнравственный – но лишь в одной любви —

В разгуле своей жаркой страсти —

Писатель бедный – маялся средь тьмы —

Не ощущая в жизни собственного счастья!

Медитация 345

«Бог – в тайне. Разве не сказано было сто раз, что Он – в тайне? Между тем Мережковский вечно тащит Его к свету, именно как вот рекламы – напоказ, на вывеску, чтобы все читали, видели, знали, помнили, как таблицу умножения или как ученик высекшую его розгу. Что за дикие усилия! „Бог в тайне“: иначе Его нельзя. Не наблюдали ли вы, что во всем мире разлита эта нежная и глубокая застенчивость, стыдливость, утаивание себя, – что уходит, как в средоточие их всех, в „неизреченные тайны Божия“ и, наконец, в существо „Неисповедимого Лица“? От этого все глубокие вещи мира не выпячиваются, а затеваются, куда-то уходят от глаза, не указывают на себя, не говорят о себе. По этим качествам мы даже оцениваем достоинство человека. Но это – качество не моральное, а космологическое, хотя оно простирается и в мораль, властвуя над нею. Мне прямо не хотелось бы жить в таком плоском мире, где вещи были бы лишены этой главной прелести своей, что они не хотят быть видимы, что они вечно уходят, скрываются. Это во всей природе. Брильянты и все драгоценные вещи глубоко скрыты внутри каменной твердыни гор, и без науки, без искусства, без труда, работы – недостижимы, как фараоны, уснувшие в пирамидах. Вот пример этой тайны мира: она начинается в камнях, а оканчивается в человеке, который творит поэзию и мудрость в глубоком уединении, в одиночестве, точно спрятавшись, никогда не на глазах другого, хотя бы самого близкого человека: „Нужно быть одному“, – тогда выходит святое, лучезарное, чистое, целомудренное! Но в человеке это еще не кончено: есть Бог, которого „нигде же никто видел“, как говорится в книгах. Бог как бы впитал в себя всю мировую застенчивость и ушел в окончательную непроницаемость. Вспомним закон устройства Святого Святых, где было Его присутствие. Вечная тьма там. Никому нельзя входить. Вот – закон. Да, „закон Божий“ – застенчивость. Без нее тошно жить, без нее невозможно жить. Цена человека сохраняется, пока он „не потерял стыд“, т. е. вот затененности поступков и лица, скромности, вуалированности всего около себя и в себе...»
Василий Васильевич Розанов «Трагическое остроумие» (статья)

Бог – в тайне – Он уходит от всего —
Чтоб лучезарным – чистым быть – в уединенье —
И человек таит – безумное лицо —
Прикрыв стыдом – всю суть проникновенья!

Медитация 346

«Кто не знает особенным таинственным постижением ночи – не может постигнуть или приблизиться к постижению и существа Божия. И кто, как бы вкогтившись глазом в звездную глубь, не забывал вовсе о земле, до недоверия к ее существованию, – тот не знает ни молитв, ни алтарей, сколько бы ни стоял перед медными алтарями. Это уже почувствовали греки, у которых „элевсинские таинства“ происходили ночью; те таинства, в которых что-то, доселе неизвестное, открывалось во Боге.»

Василий Васильевич Розанов «Трагическое остроумие» (статья)

Лишь в тайном – чудном постиженьи ночи —
Мы приближаемся всей сутью к Божеству —
И растворяясь в звездах – через – очи —
Уходим – вслед за тайной – в Его тьму!

Медитация 347

«Дожди... Вообразите, что господствующим впечатлением, сохранившимся от Костромы, было у меня впечатление идущего дождя. У нас были сад, свой домик, и я все это помню. Но я гораздо ярче помню впечатление мелкого морозящего дождя, на который я с отчаянием глядел, выбежав поутру, еще до чая, босиком на крыльцо. Идет Дождь, холодный, меленький. На небе нет туч, облаков, но все оно серое, темноватое, ровное, без луча, без солнца, без всякого обещания, без всякой надежды, и это так ужасно было смотреть на него. Игр не будет? Прогулки не будет? Конечно. Но было главное не в этом лишений детских удовольствий. Мгла небесная сама по себе входила такую мглою в душу, что хотелось плакать, нюнить, раздражаться, обманывать, делать зло или (по-детски) назло, не слушаться, не повиноваться. «Если везде так скверно, то почему я буду вести себя хорошо?» Или утром – опять это же впечатление дождя. Я спал на сеновале, и вот, бывало, открыв глазки (дитя), видишь опять этот же ужасный дождь, не грозовой, не облачный, а «так» и «без причины», – просто «дождь», и «идет», и «шабаш». Ужасно. Он всегда был мелок, этот ужасный, особенный дождь на день и на неделю. И куда ни заглядываешь на небе, хоть выбредя на площадь (наш дом стоял на площади-пустыре), – нигде не вымотришь голубой обещающей полоски. Все серо. Ужасная мгла!

О, до чего ужасно это впечатление дождливых недель, месяцев, годов, целого детства, – всего раннего детства.»

Василий Васильевич Розанов «Русский Нил»

Без обещания – и без надежды —
Все небо серое – без светлого луча —
Божий дождь снимает с нас одежды —
Чтоб эту жизнь мы проклинали сгоряча!

Медитация 348

«И я уверен, что так называемая неврастения, или душевное переутомление, столичного жителя происходит не столько от работы его, сколько вот от этих пассивных и ненужных впечатлений, зрительных и особенно слуховых, которые ни с какою работою не связаны, а раздражают даже больше работы именно оттого, что они невольны, неизбежны, что в отношении их чувствуешь себя каким-то зависимым рабом. Со временем, когда-нибудь, медики окончательно об этом догадаются и изобретут какой-нибудь изолятор для ушей, при котором они открывались бы только тогда, когда я хочу слушать. Все люди, желающие не только слушать, но еще и немножко размышлять и вообще жить «про себя» и «с собою», сторицею поблагодарят медиков за это изобретение. Говорят: «труд» в «труд». Но разве Бернулли и Лейбницы работали меньше теперешних докторов, адвокатов, журналистов? Но они решительно были свежее, бодрее их: и просто оттого, что «в доброе старое время» улицы еще не мостились, конки не звенели, фабричные трубы не дымили и не свистели.

Пассивные впечатления... ими займется когда-нибудь медицина!»

Василий Васильевич Розанов «Русский Нил»

Пассивные – ненужные – в других —
Мы растворяемся – болея всей душой —
И лишь – в уединении – за миг —
Мы можем Бога чутя в близости с собой!

Медитация 349

«Только еще в Москве есть такие прекрасные церкви, как в Романове-Борисоглебске и Нерехте, да не знаю, сравнятся ли и московские. Пишу наугад и потому только, что московские мне тоже очень нравятся. Но когда я смотрел на эти палевые, темно-желтые или светло-серые колоколенки, высокие, остроконечные, с маленькими окошечками-просветами на все стороны; когда смотрел (у других церквей) на совершенно крошечные ярко-золотые главки, выделяющиеся на синем фоне купола храма, мне казалось, что ничего лучшего не только нет, но и нельзя себе вообразить, нельзя пожелать. „Вечно бы молиться в этом храме“ – внушить эту мысль, вызвать это расположение не есть ли задача вообще церковного строительства? И если она вызвана, в сущности, „избушечкой на курьих ножках“ (по величине и незамысловатости всего), то ведь что до этого за дело? Почему храм должен быть величествен, огромен, изящен, пропорционален, „Парфенон“ или „Пропилеи“?! Нипочему. Храм должен быть просто храм, то есть чтобы вот молиться Богу. Должно быть, в русской душе есть что-то бесконечно прекрасное в отношении ее к Богу, милое, простое, доброе, что она создала такие для себя храмы, создала медленным тысячелетним созиданием. Уверен, в Греции таких нет. И нигде нет. Это вовсе не „влияние Византии“, ибо ведь строили их уездные маленькие зодчие, ну – губернские, но вообще „какие-нибудь“, не Растрелли, не Тоны и проч. Отчего же этих московских приходских церквей или вот романово-борисоглебских и нерехтских нет в Петербурге, в Одессе, где ученые архитекторы уж конечно знают хорошо „византийский стиль“? Нет, тут провинциальный наш вкус, тот милый вкус, который дал кружево и аромат таким приволжским созданиям, как, например, „Обрыв“ Гончарова, или тургеневским „Запискам охотника“. Это воздвигла не „православная вера“ и даже не „христианство“, которые воздвигли же в других местах св. Петра в Риме, св. Павла в Лондоне, кельнский и страсбургский кафедралы. Нет, просто это „русская вера“ создала себе каморочки, где она молится, где она теплится. И как это хорошо! С печалью я думаю, и давно думаю, что пройдет время – и развалятся эти кирпичные уездные церкви. И вот будущий историк даже не поймет, о чем я здесь говорю: до такой степени отлетит память о них. Ибо, кажется, никто не сохраняет для исторической памяти и нигде в подробностях красок и размеров не воспроизведены эти уездные „избушечки на курьих ножках“.»

Василий Васильевич Розанов «Русский Нил»

Приволжские создания – храмы божьи —
Здесь теплится и молится душа —
Их красота волшебным кружевом тревожит —
Поднимая вместе с верой в небеса!

Медитация 350

«Люди „как они есть“ и поклоняются „тому, что есть“ – общее, чем этою формулою, я не умею выразить этого состояния. Общую внешнюю чертою, соединявшею этих людей (мальчиков и юношей), было отсутствие чтения. На ловца и зверь бежит, говорит пословица. Правда, в гимназии не поощрялось чтение, но в глубине явления лежало то, что если бы чтение даже и поощрялось учителями и начальством, ученики эти все равно ничего не стали бы читать по отсутствию внутреннего к нему мотива. Я склонен думать, что и „русские условия“ в самом обширном смысле слова, захватывая сюда не одну политику, но и городской и сословный строй, и церковь, и „учебу“, – все вместе мало-помалу измельчили „русскую породу“, довели ее до вырождения, до бессилия, дикости, черствости, до потери самой впечатлительности, и эта тупость впечатлительности стала не личным явлением, но родовым, наследственным. Откуда и объясняется множеством людей отмеченный факт, что более даровитыми в „обещающих“ являются люди с крайне диких русских окраин, „сибиряки“, с Дона, с глухой-глухой Волги, из далекого северного края, ибо эти люди выросли вне всяких влияний „русской гражданственности“ и „русского просвещения“, которые, как плохой плуг землю, только портят, а не обрабатывают человека.»

Василий Васильевич Розанов «Русский Нил»

Мы все – как есть – и все живем – что есть —
Но всех нас очень портит просвещение —
Ибо знания несут – живущим мечь —
Закрывая вечной тьмою свет мгновенья!

Медитация 351

«Я рос и развивался совершенно „сам“; только около меня был умный и ласковый, меня любивший человек, тоже смотревший всегда сам в книгу. Конечно, времени сохранялось тем больше, чем конспект был сжатее: тогда все чтение получало более быстрый или по крайней мере сносно быстрый оборот. А ведь мне предстояло сколько прочитать! С тем вместе конспект должен был вполне заменить книгу, ибо и цель-то его была именно в замене книги. Поэтому энергично, с величайшею точностью, торопливостью и вниманием, я, как только ухватился за Фохта или за „Древность человеческого рода“ Ч. Ляйэля, я начинал выбрасывать мысленно все лишнее, прибавочное, словесное, все литературные распространения, – это с одной стороны, а с другой – и все остающееся, „нужное“, фактически и идейно сжимал в передаче до последней степени сжимаемости. Мне неизвестно, поступали ли так другие читающие, но это все равно, – идя другими путями, они срывали другие плоды! Но ничего подобного этому „нахлынувшему чтению“, какому-то „потопу“ его, который все „срывал с петель“, ломал и переворачивал в старом мирозерцании, точнее – ни в каком мирозерцании, а просто в старой лени и косности, я не запомню ни в последующие годы в нижегородской гимназии, ни потом в университете. Должно быть, не было уже этого возраста, святых этих лет, когда и верилось, и плакалось, И так легко, легко...»

Василий Васильевич Розанов «Русский Нил»

Чтение – потоп – срывает с петель —
Дверь – все созерцанье – старый мир —
Душа – из мыслей – прорывалась – ветер —
И легко так было – точно – в сказке жил!

Медитация 352

«Теряя девственность, девушка теряет свое определение. Она не согрешила (закон природы), она никого не обидела. Всему миру она может сказать: «Вам какое дело». Так. Но когда с нею будут говорить, как с девушкой, как с «барышнею», а – не «барыней», не как с «дамою», ведь она не скажет:

– Я уже не девушка.

Она нечто утаит. И это на каждом шагу. Всякий день она вынуждена будет солгать. Она окажется в положении, как «с не своим паспортом» в дороге; с «ложным видом» в кармане. Правдивая в девстве, искренняя в девстве, прямая в девстве, – теперь (потеряв девство) она будет вынуждена каждый день согнуться, скривить, сказать «неправду» и упрекнуть себя за «недостаток мужества». Это такая мука. Но и еще ужаснее, что, «сгибаемая бурей», она наконец начнет расти криво, как-то «боком», неправдиво. Она вся потускнеет. Сожмется. И вовсе не по «греху», коего нисколько не содержится в совокуплении, но по этим обстоятельствам – потеря «девственности», в самом деле, есть «падение». И эмпирически с этого времени девушка обыкновенно «падает» и «падает». «Падает» в должности. «Падает» в труде. Падает «дома». Но анафемы (общество, старшие): предупредите же это ужасное несчастье детей ваших своевременным, возможно ранним замужеством. И никогда не смейте кричать – «ты пала» (родители дочерям), когда уже 3—4 года прошло, когда она все томилась, ожидая. (т. е. после «сформирования»); (вообще должен бы быть в законе определен срок «уплаты векселей», срок – пока девушка «обязана ждать». Пока – все обществу, и ничего – девушке. Закон должен, напр., сказать: «После 30 лет сохранение девства не обязательно, и материнство не несет никакого порицания, а ребенок – законен»).

Розанов Василий Васильевич

«Опавшие листья».

Короб второй и последний»

Девство потерять – такая мука —
Сгибаемая бурей – дева – стыд —
Постигает – как – безумную науку —
Солгав – иметь невозмутимый вид!

Медитация 353

«День – хорошо, сияет солнце, есть святость, но ночь – зажигаются мириады солнц, все небо „в очах“ – тут святость гуще, тут слезы подступают к горлу. Все и везде свято; но нажим святости сосредотачивается в некоторых местах, областях, пространствах, временах. Но из этих времен субъективно для каждого есть одно особенное и исключительное, по странности, по радости, по глубоким, благодатным последствиям – это рождение мое или от меня.»

Василий Васильевич Розанов

*«Концы и начала, „божественное“ и „демоническое“, боги и демоны»
(по поводу главного сюжета Лермонтова)*

Рождение мое – и от меня —
Ночь – глубина – божественного чувства —
Жизнь извлеченная из сказочного сна —
Таит по странности – свет радости из грусти!

Медитация 354

«Перечитал свою статью о Леонтьеве (сборник в память его).
Не нравится. В ней есть тайная пошлость, заключающаяся в том, что,
говоря о другом и притом любимом человеке, я должен был говорить
о нем,
не прибавляя «и себя». А я прибавлял. Это так молодо, мелочно, —
и говорит о нелюбви моей к покойному, тогда как я его любил и люблю.
Но – как вдова, которая «все-таки посмотрелась в зеркало».
Боже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотреться в
зеркало. Писатели значительные от ничтожных почти только этим
отличаются:
– смотрятся в зеркало, – не смотрятся в зеркало.
Соловьев не имел силы отстранить это зеркало, Леонтьев не видел его.»
Василий Васильевич Розанов
«Опавшие листья. Короб первый»

Тайна пошлости – что – видим мы себя —
Даже в мертвых – Отражение – наших чувств —
Так – ужасно – что сама – судьба —
Разрушает – дружбы – сладостный союз!

Медитация 355

«Я невестюсь перед всем миром: вот откуда постоянное волнение.
Авр. невестился перед Иег., а я перед природой. Это и вся разница.
Я знаю все, что было открыто ему.»

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

В волненье постоянном – перед миром —
И чую – знаю – что Его люблю —
Вся душа раскрыта – и сияет мило —
Вечным пламенем – сводя всю жизнь к нулю!

Медитация 356

«Любовь есть взаимное пожирание, поглощение. Любовь – это всегда обмен – души-тела. Поэтому, когда нечему обмениваться, любовь погасает. И она всегда погасает по одной причине: исчерпанности матерьяла для обмена, остановке обмена, сытости взаимной, сходства-тождества когда-то любивших и разных. Зубцы (разница) перетираются, сглаживаются, не зацепляют друг друга. И «вал» останавливается, «работа» остановилась: потому что исчезла машина, как стройность и гармония «противоположностей». Эта любовь, естественно умершая, никогда не возродится...

Отсюда, раньше ее (полного) окончания, вспыхивают измены, как последняя надежда любви: ничто так не отдаляет (творит разницу) любящих, как измена которого-нибудь. Последний еще не стершийся зубец – нарастает, и с ним зацепливается противолежащий зубчик. Движение опять возможно, есть, – сколько-нибудь. Измена есть, таким образом, самоисцеление любви, «починка» любви, «заплата» на изношенное и ветхое. Очень нередко «надтреснутая» любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем и образует сносное счастье до конца жизни. Тогда как без «измены» любовники или семья равнодушно бы отпали, отвалились, развалились; умерли окончательно.»

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Любовь – живое поглощение друг друга —
Обмен – слияние – души – и тела – с небом —
Измена – исцеленье – странным кругом —
Точно – в семью – огонь любви вдохнула дева!

Медитация 357

«Да, я коварен, как Цезарь Борджиа: и про друзей своих черт знает что говорю. Люблю эту черную измену, в которой блещут глаза демонов. Но ужасно неприятно, что моя квартирная хозяйка распространяет по лестнице сплетню, будто я живу с горничной, – и дворники «так запанибрата» смотрят на меня, как будто я уже и не барин. Я барин. И хочу, чтобы меня уважали как барина. До «Ницшеанской свободы» можно дойти, только «пройдя через барина». А как же я «пройду через барина», когда мне долгов не платят, по лестнице говорят гадости, и даже на улице кто-то заехал в рыло, т. е. попал мне в лицо, и, когда я хотел позвать городского, спяна закричал:

– Презренный, ты не знаешь новой морали, по которой давать ближнему в ухо не только не порочно, но даже добродетельно.

Я понимаю, что это так, если я даю. Но когда мне дают?..»

(тоже философия).

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Люблю измену – глаза демонов горят —
Но только больно – когда все не уважают —
И создают здесь – на земле безумный ад —
Точно – расплату – за живое чувство рая!

Медитация 358

«Национальность для каждой нации есть рок ее, судьба ее; может быть даже и черная. Судьба в ее силе.

«От Судьбы не уйдешь»; и из «оков народа» тоже не уйдешь.»

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

От судьбы – как от народа не уйдешь —

Национальность – рок – в безумной силе —

И даже – обретенная ей ложь —

Найдет тебя – уже уснувшего в могиле!

Комментарий: Эти мысли Василия Розанова являются поистине пророческими. С великой печалью и скорбью, и ужасом встретив Октябрьскую революцию как трагедию всего русского народа, он же стал ее жертвой, ибо умер от душевных переживаний, потрясений, болезни и голода в Сергиевом Посаде 5 февраля 1919 года.

Медитация 359

«– Барин, какой вы жестокий.

– А что, няня?..

– Да вы заснули. «Боже! Боже! Заснул!!!»

А Шперк все тем же музыкальным, вникающим в душу голосом читал «Душа моя» (поэма его в белых стихах).

– «Вы читайте, Федор Эдуардович, а я полежу», – сказал я.

И в чтении его – все было понятно, как в разговорах его – все понятно.

Но когда сам его читаешь по печатному – ничего не понимаешь.

Я встал. Он улыбнулся. Он никогда на меня не сердился, зная, что я никогда не захочу его обидеть. И мы пошли пить чай.»

(в С.-Петербурге, на Павловской улице).

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Приятно слушать стихи друга – в его чтение —

Особенно – когда устав – лежишь —

И видишь – светлое по сути – сновиденье —

Но только сам читать не будешь – съест их мышь!

Медитация 360

«Язычество, спрессованное «до невозможности», до потери всех форм, скульптур, – это юдаизм. Потом спрессовывание еще продолжилось: теперь только запах несется, материи нет, обращена в «0»: это – христианство. Таким образом, можно рассматривать все религии как «одно развитие», без противоречий, противодвижений, как постепенное сжимание материи до плотности «металла» и до «один пар несется». Можно ли?»

Василий Васильевич Розанов

«Опавшие листья. Короб первый»

Все религии – спрессованы в одно —
В одно – безумное и вечное – течение —
Из любых форм – вознесшись – бытие —
Приводит к тайне – в пустоту – как в откровенье!

Медитация 361

«О пантеизме: бреду раз по улице – и мелькнуло: мир (Бог?) «строгая ли жена» или «так, девчонка, ко всем обращающаяся»? И меня так обняла красота и одного, – Вы знаете это «строгая, целомудренная жена», с особым ее величием, с особым ее достоинством, и – другого: что я заколебался, «заспешил в душе» и почти стонал: – не знаю! не знаю! – и в тот миг (когда шел по улице) – склонился к красоте «всеобъемлющей девчонки». Вообще можно мир и так думать, и этак. «Мистические угадания» (у Вас) – это верно. Именно – угадания.

«Что под пальцами – не знаю, а что-то есть». Так мы судим, сидящие в тьме.

<16 июля 1915 г.>

Василий Васильевич Розанов – Письма В. В. Розанова – Э. Ф. Голлербаху

Мир – это Бог – жена или девчонка —
Принимающая всех – и из себя —
Рождающая – тайны – смехом звонким —
Точно – в красоте ее – судьба!

Медитация 362

«Нет, дорогой Г., я конечно не сердит на В. душу, а не отвечал лишь за безумным „некогда“ (как и у Вас). „Минуты летят как мыши в Вечность“. А только Вы чудак и „капризулька“. Фантазер и привередник. Как при Вашем уме и особенно душе не понять разницу между подлыми героинями шлюхи Вербицкой и между „музыкой души“ В. М – вой, которая так чудно заключила в мире крота, любующегося при слепоте на солнце, поутру, – и вообще сказала много-много слов, для моих 59 лет – гениальных, правдивых, нежных, любящих. (Просто Вы сами „слепой крот“.) ...Приезжайте в воскресенье к вечерку, час. в 7. „Помолчим хорошо“.»

<4 апреля 1916 г.>

Василий Васильевич Розанов – Письма В. В. Розанова – Э. Ф. Голлербаху

Летят минуты – мыши в Вечность —
В безумном «некогда» так мило помолчать —
Чуя правду лишь в безмолвной речи —
И в божьем таинстве – мгновения печать!

Медитация 363

«Юноша подошел к седому камню. И говорил, говорил. Камень молчал. И подумал юноша: вот люди, вот мир. Но камень все понял. Все услышал. И было хорошо камню от речей юноши. Но молчал он не от глухоты, а только от того, что «К могиле речи бывают редки». Милый Г., никогда я не встречал человека до такой степени полного вниманием. Ваше внимание (души) пропорционально только Вашему – «вечно немой». И сколько, сколько бы прежде я Вам писал. И писал я бездны – другим. Тоже хорошим, очень хорошим. Но уже не такие внимательные.

Это было еще года 4—7 назад. Не говорю о моей юности, когда я плакал в речах и письмах. Теперь мне письмо в 3 строки «ад».

Люблю. Целую. Обнимаю. Приходите. В. Р.»

<31 марта 1917 г.>

Василий Васильевич Розанов —

Письма В. В. Розанова —

Э. Ф. Голлербаху

(Эриху Федоровичу Голлербаху)

К могиле речи бывают редки —

Но камень юноша вмиг оживил речами —

«Вечно немые» в тьме — мы слушаем звонки —

И — точно — с Богом — окликаем нашу память!

Медитация 364

«Вы знаете, что Алкивиад был осужден в изгнание за то, что осмелился посмеяться над (говорят – «фаллическими») статуями богов ночью, «в худой компании собутыльников». Время Алкивиада – уже время «нечестия афинского», время *decadence*'а эллинского, время – Пелопоннесской войны = теперешней нашей мировой войны. И, значит, не только в Иерусалиме, но и в Афинах «Вольтеру не дозволили быть». Отчего же в Париже был «Вольтер», – также Diderot, He <1> vetius, etc., да и раньше – Боккачио и его «штучки». Вы помните эту невыносимую грязь Декамерона, это «сальце», эту «скверну», этот подленький смешок, хуже Фед. Павловича Карамазова. Ну, так откуда же или «чистые святые девы», или – «нет Бога и не надо его». И вот, вся жизнь моя прошла в теме: откуда в Европе «подлое издевательство над Богом»? И решил я: да – оттого, что в Европе – не Провидение, а – Христос, не Судьба – а опять же Голгофский страдалец, с этим «выбросом к черту» Иерусалима, Афин, рая, Древа Жизни, и вообще всех этих в основе конечно фаллических «святых» = скверн. В еврействе это путается: «святых» и «скверна» – одно. В одном рассказе (бытовом) у Ефрона 28 рассказано, что какой-то раввин или «цадик» или меламед (школьный учитель), будучи раздражен, кричит хозяевам дома: подайте таз, я должен умыть руки, потому что я в гневе и боюсь – не удержусь произнести Имя (т. е. «Иеговах»). Я как прочитал, ахнул: «Ах, так вот в чем дело: нельзя «произнести Имени* и не умыть руки сейчас после произнесения». Это совершенно одно и то же, что было в знаменитом Иамнийском собрании, когда определялся «канон» юдаизма, т. е. когда отделялись подлинно боговдохновенные книги от сомнительно-боговдохновенных книг. Решали по определению: «Какие книги суть те, к пергаменту коих прикосновение рук – оскверняет эти руки». Иамнийское собрание было перед самым разрушением Иерусалима Веспасианом и Титом. Вы видите, что тут есть связь, сходство с шалостью Алкивиада, как он «обломал фаллы» у фаллических богов. Историки ни о чем не подумали, а Розанов догадался, что то, что в Афинах было тенью, в Иерусалиме – было существом, что, собственно, за спиною Иерусалима и с защитой Иерусалима – держался весь Античный мир, все эти «Ваалы», «Астарты», «Весты», «Дионисы» и прочая дребедень. Что в сущности важен был не Дионис, а «горящий терновый куст», который увидел Моисей, – горящий, горевший, и – это – тоже – Солнце, вечно горящее и не сгорающее. И вообще:

Какое хочешь Имя дай
Моей поэме полудикой...»
(9 мая 1918 года)

Василий Васильевич Розанов —

Письма В. В. Розанова – Э. Ф. Голлербаху (Эриху Федоровичу Голлербаху)

Святых – скверна – в человечестве одно —
Как почитанье Бога – то же осквернение —
А жизнь плывет – и все мирское дно —
Освещено таинственным горением!

Медитация 365

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес. – Представление кончилось.

Публика встала.

– Пора одеть шубу и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось.».

Василий Васильевич Розанов

«Апокалипсис нашего времени»

Мысль гения проходит через время —

Ее подхватывает мудрый человек —

Похоже озаренья – точно – семя —

Прорастают через весь грядущий век!

Комментарий: Многие историки, как в мире, так и в России, полагают, что впервые о железном занавесе в Европе сказал в своей Фултонской речи Уинстон Черчилль, однако первый о железном занавесе над Русской Историей, а соответственно и над Европой сказал Василий Васильевич Розанов в 1918 году в своей из последних предсмертных книг «Апокалипсис нашего времени».

Привожу отрывок речи У. Черчилля: «...По другую сторону „железного занавеса“, который опустился поперек Европы, другие причины для беспокойства. ...во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра.»

Из Фултонской речи Уинстона Черчилля (1946 год)

Медитация 366

«О, как это ужасно! И ужасно за нее и за Вас, наш бедный Наставник, от которого поистине ушла Подруга дней его суровых как Пушкин говорит о няне. В смерти ужасающая и непереносима разлука. Ничуть не боль и не физическая смерть, но ужасное РАЗЛУЧЕНИЕ с кем СРОСЛАСЬ вся жизнь. Это ужасно, ужасно, ужасно. Только ослы-позитивисты не понимают этого. О, какие они ослы, эти позитивисты, и мне кажется, вся глупость их проистекает от этого одного – непонимания ужаса смерти. «Великое таинство смерти», – проговорил Ап. Павел, как бы приподымая завесу в другую сторону вечной жизни «там», – загробной жизни. Как было бы все ясно, если б иметь об этом уверенность; ясно и – светло. «Но мы все об этом ничего не знаем». Состояние наше поистине ужасно. Мы поистине жалкие люди. И нам остались не мысли, а слезы. Страшно и о Вас думать. Как учитель без привычной толпы учеников, и ученый без «тут где-то около меня <нрзб> щегося и шуршащего платьем друга» (Авд. Ив.). Вы стоите в ужасающем положении дерева среди поля, вокруг которого не растет никакого леса. «Молодые слишком молоды и глупы», «сверстники и сотрудники скончались» Ужасно, ужасно. В том положении, как у Вас, хочется еще уйти от людей, «побывать одному». А между тем возможное исцеление или облегчение печали – с людьми. И всякое присутствие людей так режет и томит. Ужасно. Тут-то и открывается весь смысл и бл. Августинов, и св. Францисков: того всего, что так оплевано в наше время. Оно ужасно, «наше время», и ненавистно. Вот «время», в которое не хочешь иметь друзей, и будь бы возможность – со всеми и раззнакомился. Все возвращаешься к годам юности, – и вспоминаю я, как усталый Вы вернулись из магазина Мюр и Мерилиз, – жалуясь на бесконечные его отделения и множество этажей, по которым приходилось ходить, покупая подарки для елки. И Авдотья Ивановна хлопотала около елки. Мы все студенты знали, что «у Герье такая же ученая жена, как он сам, – из рода Станкевича». Как давно это было. Уже тридцать лет тому. А светло, и все в красках и говоре, как сейчас. Прощайте, наш дорогой Наставник.

Да укрепит Вас Бог. В. Розанов.»

Василий Васильевич Розанов письма В. В. Розанова – Владимиру Ивановичу Герье

Одиноким деревом средь поля —
Стоит усталый старый человек —
И лишь с людьми делясь своею болью —
Он с легким сердцем совершит во тьму побег!

Комментарий: Владимир Иванович Герье – профессор МГУ – учитель и наставник Розанова В. В. в его студенческие годы. Герье В. И. пережил своего ученика на полгода, он умер в июле 1919 года. Всю жизнь их связывали очень теплые духовные отношения.

Медитация 367

«Культура есть движение, культура есть любовь. История началась не с первого негодования человека, не с Каина: она началась с первого восхищения человека, с жертвы Богу Авеля, „Богу“, т. е. вот всему этому миру, и дубравам, и звездам, и верно, „кому-то, кто прячется за покровом звезд и дубрав“. Кто ведает, что думал человек, когда приносил свою первую жертву...»

Василий Васильевич Розанов

«Толстой и Достоевский об искусстве» (статья)

За покровом звезд и дубрав —
Господь ведает мысли людей —
Создавая таинственный сплав —
Возвращающий нас – из теней!

Медитация 368

Эриху Федоровичу Голлербаху

Он мне прислал карточку обширную
как Черное Море,
Или как штаны самого пьяного казака.
А сам носа своего не кажет,
Этот жестокий Голлербах, гордый как
Эльбрус или как тощая Гиппиус.
И сердце мое томится, а душа злится,
Что я не вижу моего доброго Голлербаха,
Такого доброго, такого приветливого,
И вовсе не похожего ни на Эльбрус, ни на Зинаиду,
И тем более ни на грозного казака,
А только на единственного самого Голлербаха.
Который или молчит, или мычит,
и ни единого слова не сказывает,
Но с которым мне безотчетно
хорошо сидеть нос с носом,
Потому что у обоих нас в душе поют песни
И мы оба знаем, о чем эти песни поют...
И я жду его как Ясную Погоду на Шпалерной...
Жду... жду... а он все-таки не приходит...
П. <осле> ч. <его> он если не полная свинья,
То все-таки маленький поросенок.
<6 апреля 1917 г.>

(На визитной карточке Голлербаха:)

Василий Васильевич Розанов

Хорошо сидеть – нос с носом – с другом —
Когда песни – пение в душе —
А без него – одна сплошная мука —
И нет без друга рая – в шалаше!

Медитация 369

«Спасибо Вам, дорогой и милый батюшка Александр Петрович за пространное длинное письмо. Все Ваши (нрзб) письма, всегда (много лет) меня утешали. В них всегда горячая любовь, и – сердце к сердцу, лично, а не вообще (не схема). Моя больная Варвара, дочь (тоже) Варя, Таня, Надя, Вася, Вера (в монастыре) благодарят Вас все и просят Ваших заступнических молитв. Все Вас целуют и обнимают. Не знаю, что и делать. Писатель-сомнамбула. Лазит по крышам и видит сны, и если кто-то его „не поддержит“ – он упадет и разобьется. С 1/1000 долей моего таланта – давно богаты, миллионеры (М. Горький, Л. Андреев), а мне случалось попросить у прохожего папиросу изо рта, чтобы затянуться, согреться и горячо поблагодарить. И если бы знали люди, как я всегда благодарен.»

7 июня 1918 г.

Василий Васильевич Розанов Письмо В. В. Розанова – А. П. Устиньскому

Писатель-сомнамбула – лазит по крышам —
И видит всемирные сны —
И поднимается к Богу все выше —
Чуя – Вечность весны!

Медитация 370

«Бог БЕЗ'БРАЧЕН. Один христианский Бог

Прочий же Бог СОТВОРИЛ мир. Теперь: Христос = Бог. или: Бог = Христос.

этих == (равенств) я никак не могу написать. И это-то именно и есть «источник синтетических суждений а'priori». Тут я не могу не сказать и того, что если «попам этого не нужно», «обществу – не нужно же», то следовательно нужно «только Церкви Христовой», и именно потому, что она «не Церковь вообще», т. е. «религия вообще», а специально как Христовой Церкви. Но что-же дальше? Значит это нужно Христу? Да. Почему? Без'зерен. Мы здесь восходим на головокружительные высоты: Христос есть Дух, Solo – Дух; а Бог есть только бог, «наш Боженька», «сотворивший мир». Головокружительность заключается в том, что «есть два № Бога», «просто-Бог» и высший над Ним – Христос. Ведь страшно и исключительно, что в истории конечно не бог победил, наш «сотворивший Вселенную, обыкновенный Бог», а победил и пришел в мир с уверенностью победы – Христос и Дух и Бог. Дело в том, что расслаивается самый мир на мир'ное и над'мирное, Вселенское и Сверхвселенское, и «Над» и «Сверх» стало побеждать под» и вниз». Что над Вселенною открылось еще что-то такое другое, не-мир, а – «больше мира», «больше Бога». Ну – я не знаю: но явно – мир распадается, разлагается, испепеляется. «Конец мира» и вот явно для Конца-то мира и пришел Христос. «Мужайтесь, ныне я победил мир» (слова Христа). Это так страшно, так ново, эта особая космогония Христа или точнее полная а'космичность Его, что мы можем только припомнить, что в предчувствиях всех народов и религий действительно полагается, что «миру должен быть конец», что «мир несовершен». Но так страшно это «несовершен» и «конец» – что я только кладу перо и иду спать: ибо уже совсем рассвело.

Бог для меня стоит где Бог. И я учу только, что Он побежден Христом. Кто же Христос? Дух а'рожденный, именно – «пришедший», и именно Без'семенный. Без'семенно зачатый. Все точка в точку по Евангелию. Но здесь или выбросить Евангелие и «по-прежнему зажить», или «вовсе не жить», «оставаясь при Евангелии».

написано летом (лето 1918 г.)

«Ну, Бог с Вами. Видел доброе —

увидишь и худое.»

Василий Васильевич Розанов – из письма – П. П. Перцову

Видел доброе – увидишь и худое —

Бог – Творец – и тут же – Бог – Христос —

Создает в душе – вдруг – взрыв покоя —

С ощущением чудной Смерти – в царстве грез!

Медитация 371

«Просто – крест. Могила. Вечная ночь. Христос уносит нас в какую-то Вечную Ночь, где мы будем «с Ним наедине». Но я просто пугаюсь, в смертельном ужасе, и говорю: – Я НЕ ХОЧУ.

И прошусь «на прежнюю землю», «нашу». Тут не разгаданно остается, что такое в сущности «наша земля». По Христу это по-видимому «преходящее», «тень», мнимость. Ну, не знаю. Если Христос открывает мир ноуменов. Сверх'сущего – тогда Он и вправе «звать к Себе». Может быть в смерти – высшее счастье? В конце концов самое-то страшное, что мы все действительно умираем, и не понимаем, «почему умираем», почему «индивидуальность не вечна». В конце концов еще более страшное в том, что Бог нашего мира, fall'ический, конечно, Бог – и должен быть побежден. Но тут голова моя окончательно закруживается, а глаза слипаются от желания спать.

Я Вам еще (давно уже) написал письмо, но не послал. Прощайте, целую, люблю. Все мы очень несчастны, и Розановы и Перцовы, счастлива только Верочка в монастыре, шлющая нам чудные письма, нас утешающая ими и подкармливающая. Она высылает большую помощь. Об «Апокалипсисе» она, конечно, не знает и не зачем знать.

написано летом (лето 1918 г.)

Василий Васильевич Розанов – из письма – П. П. Перцову

Крест – могила – бескрайняя вечная ночь —
Христос – Сверх*сущее —
 дарит ужасную мнимость —
Всего – что прожито —
 в тайну гонит нас – прочь —
Точно – за тьмою скрыта великая милость!

Комментарий: Перцов Петр Петрович (1868—1947) – критик, публицист, близкий друг Розанова, издатель его произведений. Долгие годы, до самой смерти Розанова их связывали очень близкие отношения.

Медитация 372

«От лучинки к лучинке, Надя, опять зажигай лучинку, скорей, некогда ждать, сейчас потухнет. Пока она горит, мы напишем еще на рубль.

Что такое сейчас Розанов?

Странное дело, что эти кости, такими ужасными углами поднимающиеся под тупым углом одна к другой, действительно говорят об образе всякого умирающего. Говорят именно фигурую, именно своими ужасными изломами. Все криво, все не гибко, все высохло. Мозга очевидно нет, жалкие тряпки тела. Я думаю даже для физиолога важно внутреннее ощущение так называемого внутреннего мозгового удара тела. Вот оно: тело покрывается каким-то странным выпотом, который нельзя иначе сравнить ни с чем, как мертвой водой. Она переполняет все существо человека до последних тканей. И это есть именно мертвая вода, а не живая. Убийственная своей мертвечиной. Дрожание и озноб внутренний не поддаются ничему ощущаемому. Ткани тела кажутся опущенными в холодную лютую воду. И никакой надежды согреться. Все раскаленное, горячее представляется каким-то неизреченным блаженством, совершенно недоступным смертному и судьбе смертного. Поэтому «ад» или пламя не представляют ничего грозного, а скорее желанное. Это все для согревания, а согревание только и желаемо. Ткань тела, эти мотающиеся тряпки и углы представляются не в целом, а в каких-то безумных подробностях, отвратительных и смешных, размоченными в воде адского холода. И кажется кроме озноба ничего в природе даже не существует. Поэтому умирание, по крайней мере от удара – представляет собою зрелище совершенно иное, чем обыкновенно думается. Это холод, холод и холод, мертвый холод и больше ничего. Кроме того, все тело представляется каким-то надтреснутым, состоящим из мелких раздробленных лучинок, где каждая представляется трущею и раздражающе остальные. Все вообще представляет изломы, трение и страдание. Состояние духа – его – никакого. Потому что и духа нет. Есть только материя изможденная, похожая на тряпку, брошенную на какие-то крючки. До завтра. Ничто физиологическое на ум не приходит. Хотя странным образом тело так изнеможено, что духовного тоже ничего не приходит на ум. Адская мука – вот она налицо. В этой мертвой воде, в этой растворенности всех тканей тела в ней. Это черные воды Стикса, воистину узнаю их образ.»

Продиктовано В. В. Розановым

его дочери Надежде в декабре 1918 г.

(за 1,5 месяца до смерти – до 05.02.1919 года)

В мертвой воде —

в растворенности грешного тела —

Воды Стикса несут меня в безумную даль —

Душа еле светит – летя уже за пределы —

Всем – близким – живым —

оставляя только печаль!

Медитация 373

«К ЛИТЕРАТОРАМ

Нашим всем литераторам напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится, и что они должны предупредить этот холод, что это должно быть главной их заботой.

Что ничего нет хуже разделения и злобы и чтобы они всё друг другу забыли, и перестали бы ссориться. Все это чепуха. Все литературные ссоры просто чепуха и злое наваждение.

Никогда не плачьте, всегда будьте светлы духом.

Всегда помните Христа и Бога нашего.

Поклоняйтесь Троице безначальной и живоносящей и изначальной.

Флоренского, Мокрицкого и Фуделя и потом графов Олсуфьевых прошу позаботиться о моей семье и также Дурылина, и всех, кто меня хорошо помнит.

Прошу Пешкова позаботиться о моей семье.»

17-го января 1919 г.

Василий Васильевич Розанов

Перед смертью – в ощущение холода —

Одно желанье всем – любви – тепла – добра —

И светлым духом – будьте —

и бессмертно молоды —

И всегда помните – и Бога – и Христа!

Медитация 374

«В европейской литературе есть книжка, и даже, пожалуй, книжонка, из которой, как это ни неприятно, только и можно почерпнуть некоторые факты половой жизни: так как Европа, проникнутая христианским гнушением к полу, не допустила ни философов, ни поэтов заняться собиранием здесь любопытных фактов, и только „грязные медики“, все равно копающиеся во всяких экскрементах, во всякой вони, болезнях, нечистотах, не брезгающие ничем, не побрезгали „и этим“. Но, в сущности, даже и они побрезгали! О дифтерите, который убивает детей, все же они говорят не этим отталкивающим тоном, не с этим отталкивающим чувством, как о дающих жизнь половых органах и о самой половой жизни, половой деятельности. Например, мне было передано об одном парижском светиле медицины, который в сочинениях своих серьезно проводил ту мысль, что „женатые и замужние, если они, не довольствуясь имеющимся у них удовлетворением половой страсти, обращаются на сторону, т. е. изменяют муж жене или жена мужу, – то они суть явно ненормальные люди, душевнобольные; и что, как таковые, они не могут быть оставляемы на свободе в благоустроенном обществе, а должны запирались на замок, в психиатрических лечебницах или же просто в тюрьмах“. Любопытно, что, кажется, ни одного не было случая, чтобы с медицинской стороны предложено было так поступить с сифилитиками; и это нельзя объяснить только тем, что они дают хлеб врачам, а уже Фурье заметил, что „доктора очень любят, когда страну посещают хорошие лихорадки, тифы и т. п.“; нет, тут больше и печальнее: медицина, „христианская медицина“, действительно не видит „ничего особенного“ в сифилисе, считает его картиной здоровой структуры общества; а совокупления, и особенно когда они счастливы, обильны, когда они „приливают“, как океанический прилив, – они считают „вырождением“ и „патологией“ и предлагают запереться от них обществу.»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Не запереть влюбленных пар в психушку —
Не заключить за страсть безумную в тюрьму —
Не Бог ли прошептал нам вдруг на ушко —
Что мы любовью возвращаем к свету тьму!

Медитация 375

«Первый раз мне пришлось прочесть о наибольшей самочности лет 20 назад в известных «Записках» о своей жизни Н. И. Пирогова, нашего великого хирурга. Там, описывая разные свои переезды и поездки в начале служебной деятельности, он между прочим упоминает о встрече – сколько помнится где-то в западном крае, около Риги или Пскова, должно быть, с университетским своим товарищем. Именно он у него остановился на перепутьи. Товарищ оказался женатым, недавно, – и на совершенно молоденькой женщине, лет 16-ти. В мимолетной встрече он ему жаловался, что хотя очень любит свою жену доволен ее характером, но чувствует себя изнеможенным от ее постоянного желания совокупляться. Здесь нужно отметить и то, что сам он был очень молод и, следовательно, не изношен; и то, что в ту пору 30-х или 40-х годов «развращающего чтения» еще не было; или, по крайней мере, на него еще де могла натолкнуться женщина, столь юная, что она, очевидно, только что вышла «из-под крыла матерного». Здесь мы имеем таким образом естественное, не возбужденное, глубоко природное влечение в такой силе и напряжении, какому, во «сяком случае, не отвечало тоже природное и молодое влечение молодого мужчины, но как самца – обыкновенного. Это наблюдение показывает, что «самочность» не есть постоянная величина, приблизительно одинаковая у всех, но что она варьирует: в одном «самца» более, «самки» более, чем в другом, и это не есть ни плод развращения, ни плод возбуждения или дурного воспитания. О следующем случае мне пришлось слышать: однажды в кружке женщин из «общества», среднего и скромного, зашли «суды и пересуды» о девицах и женщинах их круга; и некоторые очень осуждали таких-то и таких-то лиц своего пола «за их выдающееся нескромное поведение, развязность манер, речей» и пр. Тогда их прервала одна из слушавших, замужняя женщина: «Вообразите, все, о ком вы говорите, – скромные девушки, нимало не заслуживающие вашего порицания; но вот эти, – и она назвала несколько скромнейших девушек и женщин, – сущие подлюги: я знаю от мужа своего, что те, о ком вы говорите дурно, – были и остаются невинными, несмотря на всяческое ухаживание мужчины, на все его усилия, а эти скромницы совсем напротив...» Мне позднее привелось узнать два случая, когда жены не только не удерживали своих мужей от ухаживания «с последствиями», но толкали их на такое ухаживание, как бы любо-пытствуя через них о поле окружающих женщин и девиц; и разразившаяся гневом или, во всяком случае, порицанием – шла, очевидно или может быть, из таких женщин. Здесь, однако, следует принять во внимание следующее. Очевидно, что эти «падавшие» женщины и девицы не «заготовили» же себе «скромности» на случай ухаживания, в предположении, что она понравится или привлечет: в общем она ведь отпугивает, предупреждает самое начало ухаживания; очевидно, они ничего не думали, ничего не ожидали, но были действительно скромны и именно скромнее остальных; они были их женственнее, добродетельнее, и в меру этого самочнее; были, так сказать, более нежны, ароматисты, более содержали в себе сладкого нектара; и... «упали» не оттого, что менее хотели сопротивляться, но оттого, что приближение и видимое желание мужчины возбудило в них ответный ток такой силы и напряжения, который повалил их: как мучнистость

колоса тянет стебель его к земле, как отрывается и падает на землю самое налитое, сладкое, сахаристое яблоко, а не яблоко-сморчок, неотрываемо сидящее на своем стебле, кислое, жесткое, безвкусное. «Нахально вели себя», по укоризне собеседниц, бесполые, почти бесполые женщины и девушки; у них, верно, были и «усики» на губе, и «разухабистые» манеры, как у писарей; громкий и жесткий голос, мужицкая походка. Те же сидели тихо в уголке; не ходили – а плыли или скользили по полу; были застенчивы, конфузливы, стыдливы... Они были добродетельны: как героизм в мужчине, конечно, есть добродетель – так главная добродетель в женщине, семьянинке и домоводке, матери и жене, есть изящество манер, миловидность (другое, чем красота) лица, рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, не угловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая. Это – те, которых помнят; те, к которым влекутся; те, которые нужны человеку, обществу, нации; те, которые угодны Богу и которых Бог избрал для продолжения и поддержания любимого своего рода человеческого.»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Страсть внутри колоса зовет его к земле —
И люди пропитавшись – жарким соком —
Соединяются – как звездочки во мгле —
Светя вокруг – одним бессмертным оком!

Медитация 376

«Совершенная аналогия посвящению у нас в монашестве обоих полов! „Аналогия“ потому, что здесь и там это религиозно, там и здесь это – культ, религиозный обряд, религиозная церемония, „церковное торжество“ (как у нас всякое „пострижение“). Торжество чего! Ясно видно, вслух сказано (у нас – с оговорками, ибо, уже по Нестору, „греки издревле лстивы суть“, т. е. уклончивы, неправдивы, не прямы, любят ласковые слова, облекая в них жесткую или ужасную действительность). Это – „торжество“, т. е. достигнутая цель, давнишняя мечта „не имеет ничего общего с женщинами“, не касаться их, не скверниться с ними... „Гадко! мерзость!“ – вот суть Федра-Платона, древнего „галла“ и нашего монаха. Это неодолимое физиологическое (и психическое) отвращение и есть *primum* всего дела, тот *ogohewu*, элемент, атом, – из какового и выросло все „дерево“ тогдашнего и последующего аскетизма. Вот „посвящение“, а не факт; религия, а не история. Не „нравы диких“, как, вероятно, уже изготовились сказать попики. Религия плодородия, только плодородия, – у Моисея, у евреев, у Израиля.»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Ветхий Завет – любовь и плодородие —
Новый Завет – строжайший аскетизм —
100 тысяч раз религия в истории —
Меняла облик свой – взлетая вверх – и вниз!

Медитация 377

«Дева-богиня, Stella Venus, „Небесная Дева“ говорит: „я хочу только женщин, мужской род мне ненавистен“; муж-Марс, „Небесный (stella) Марс“ говорит: „мне угодны только мужчины, юбок и корсетов я не выношу“. Все это глубоко связано с оскоплением („галлы“); и вообще поклонение объясняет культ и, в свою очередь, разъясняет себя и свою метафизику в культе. Ты прочтешь, что в магической книге предписано: мужу облачаться в женские одежды, когда пред глазами стоит Венера, и точно так же жене облачаться в кольчугу, когда восходит Марс (лат.).»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Есть девы любящие дев —
Венеры в облачении кольчуги —
И мужчины в одеянье королев —
В общем обмене – половые муки!

Медитация 378

«Мифологам и историкам давно бы пора оставить такие ничего не значащие выражения, как «богиня Луны», «божество солнца» и пр. Это как бы об Иверской Божией Матери кто сказал «божество дерева» или «известное божество городских врат Китай-города» (в Москве). Разумеется, в древности говорилось о божестве лунных свойств, о божестве лунного характера, вот этого не рождающего и светящего, грустного, манящего, нежного, влюбляющего в себя и как бы ласкающего влюбленных, но именно только влюбленных – до сближения. Все женихи и невесты почему-то «смотрят на луну», чего и на ум не приходит супругам, даже самым любящим, очень любящим. Совсем другой колорит любви! Супруги любят солнышко. Почему? Кто разгадал? Луна запрещает «очень любиться», вот «сближаться»; «грозит с неба пальчиком». «Полюбуйтесь, помечтайте, но – и довольно». Это – монашеская любовь, прогулки по полю влюбленных монахинь, грустных, молчаливых, не знающих, что делать со своею любовью, не нашедших тогда еще «предмета»... Это несчастная или преступная любовь, не нормальная, ничем не кончающаяся, которой положены роковые пределы. Мечтательное начало с тем вместе есть и жестокое: ведь сентиментализм Руссо родил фурий террора, как был сентиментален и Робеспьер... В мечтах рождается идеал; а идеал всегда бывает и особенно ощущает себя оскорбленным действительностью. Идеал и «луна» не знают компромиссов...

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Идеал луны не знает компромиссов —
Люди любят – только «страх желать» —
Приучает их – в небесных высях —
Любить душой одну лишь Божью Мать!

Медитация 379

«Никогда я не мог постичь сна учеников Иисусовых в Гефсиманском саду*. Сон на учеников Иисусовых точно был нагнетен, точно это был магнетический сон...

И тогда оба явления, и сон, и отречение, суть только лучи, только частицы одного потрясающего события, уже шедшего в мир смерти Бога среди людей и от людей...

*Василий Васильевич Розанов «Трепетное дерево»
(«В темных религиозных лучах»)*

Уже плыву – среди людей – и от людей —
В мир смерти Бога – в мир магического сна —
В саду Гефсиманском – Иисусовых детей —
Я буду спать – пока скрывает Землю тьма!

Комментарий: Данные мысли Розанова о том, что он никогда не мог постичь сна учеников Иисусовых в Гефсиманском саду мною ощущаются как некое пророчество Розанова в отношении самого себя. Сон учеников Иисусовых в Гефсиманском саду – Розанов описывает события, связанные с предательством Иуды Иисуса Христа. Ученики спали, когда Иуда привел римских солдат.

Василий Розанов был похоронен на территории Гефсиманского Черниговского скита (+5 февраля 1919 года), т. е. на следующий день после своей смерти. Гефсиманский скит – Гефсиманский сад. Сон Иисусовых учеников – сон монахов скита, их уединенная жизнь, правда, сейчас постоянно нарушаемая приездом и посещением туристов, не говоря уже об истинно верующих приходящий в Черниговский храм молиться, как и в подземный храм (находящийся под ним) Аристратига Михаила и всех бесплотных сил! Вот-с!

Медитация 380

«В ритуал входит и в мысль Моисееву явно входило это: чтобы в Скинии свидения „назорей“, т. е. в конце концов (в течение года) весь народ, все зрелые евреи и еврейки, показались нагими, с органами открытыми, видимыми, обвеваемыми „благодатным воздухом“ Скинии. Назорейство было воздушною миквою Израиля. И как миква имеет отношение к вот-вот сейчас вслед за нею имеющему совершиться совокуплению, – так же точно и назорейство. Это было храмовое „посвящение“, „благословение“, „напутствие“ в совокуплении. С монашеством оно имеет только то подобие, что „назорей“ также чувствовал себя „посвященным Богу“, „посвятившим-ся“; но „через совокупления, угодные Богу“, „посвященные Богу“, как и Богом указанные, предписанные („плодитесь, множитесь“), а не через „пост, скопчество и молитву“ (монахи).»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

И там – и тут – везде – святые люди —
Только одни – в совокупление – Бога – чтут —
Другие – заключая в кельи судьбы —
Готовят в рай себя или на Страшный Суд!

Комментарий: В своей книге Василий Розанов постоянно исследуя обряды и таинства, противопоставляет Ветхий Завет Новому Завету, преклоняясь перед Ветхим Заветом как перед светлой и святой религией любви и деторождения! Вот-с!

Медитация 381

«С чего начиналось назорейство? Великий этот закон учредил Моисей, имевший двух жен (Сенфору и Эфиоплянку) и, уже конечно, о монашестве не помышлявший. Он ввел или, точнее, разлил в народе обычай, обыкновение, которое привилось со страстною горячностью, как, впрочем, естественно должно сладко привиться все, что помогает чадородию и увеличивает его, – увеличивает не в моментах разрешения от бремени, беременности, а в зачинающем его моменте, поднимая его энергию. Назорейство было обыкновением, но не обязательным, не всеобщим и пассивным, а поставленным под закон внутренней у всякого прихоти, фантазии, позы. „Есть охотка, становись назореем“. Уж это должно бы обратить на себя внимание наших богословов и заставить их спросить себя: „Для чего оно?“ „Хорошее дело“ – это „назорейство“ – ну, пусть бы исполняли все. Ведь оно длилось не долго, вот как наши посты, и под силу было бы и народу. Но Моисей сказал: „Пусть по фантазии“. В чем же тут дело? Да в чем суть Назорейства? К этому можно подойти, всмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. „Тогда, – учит Моисей, – ты поди в Скинию свидения („свидание“, „встречи“ с Богом: ибо она была вечно наполнена „Славою Господнею“, как бы мы сказали теперь: „полна Св. Духа“, „полна благодати“). Там, купив жертвенное животное (не дорогое, овцу, т. е. обыкновеннейшее у пастушеского народа это в видах доступности всем), сними одежды с себя; и священник, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, обреет кругом твое тело, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его“. После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всесожжения, вместе с волосами нового назорея, „в сладкое благоухание Господу“ (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем „назорей“ возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обязанный на дни „назорейства“, срок коего он сам для себя определял, „воздерживаться от сикера и вина“, как известно, расхолаживающего (разжижающего) кровь и расслабляющего половые силы. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по „фантазии“), – был темпом изощренно-чистых, глубокоясных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к слюнявости и пакости, к частым слабеньким совокуплениям), но, бесспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают „на семена“ всегда лучшую, крупнейшую, свежую.»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Люди воздерживались – чтоб потом любить —
С глубокой – ясной – сознающей себя силой —
Из века в век – протягивалась нить —
По которой страсть живая восходила!

Медитация 382

«Не помню, которому из пророков (богословы знают) Бог сказал: „Поди к блуднице и зачни с нею“*. Пророк исполнил: „Поди и еще зачни“, – повторил Иегова. И так до трех раз. Да и вообще, нужно ли объяснять, когда это говорит каждая страница Библии, что на том самом месте, где образовалось голое скопчество потом, пресловутое девство, „святое девство“, на этом самом месте в Ветхом Завете росла, зеленела и вечно поливалась свежей водою („омовения“) густая-густая, высокая-высокая трава совокуплений! И та самая „святость“, которая отнесена была потом к девству, она ранее принадлежала совокуплениям. Многоженство гораздо священнее считалось, чем одноженство: что видно из того, что, например, одноженный Исаак был „так себе“ у Бога, без знамений, без посещений, без особенных ему обетовании, – много-женных же Авраама и Иакова Он посещал, говорил с ними, и точно всячески лелеял и ласкал. Да и понятно: если „женность“ хорошо, то многоженность лучше одноженности, как „пять“ больше, лучше „единицы“, как полководец, выигравший „три сражения“, лучше выигравшего „одно“, и учитель, обучивший „толпу“ детей, лучше, угоднее Богу и нужнее в миру, чем обучивший единственного ученика. Где это в Ветхом Завете культ „недостатков, бедствий, озлоблений“? Терпишь, когда приходится: а искать – грешно. Это уж в Новом Завете стали „изъявлять себя“, и что отчаяннее, горше – „испытывать сладкую муку язв“... Когда это пришло, со „счастьем человеческим“ было кончено, и дверь в Эдем, обещанный вторично человеку (Апокалипсис) – наглухо заколотилась.»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Высокая трава совокуплений —
Из Библии – во все века росла —
А в христианстве от нее остались тени —
Сокровенного – священного тепла!

Медитация 383

«Община Иисуса уже была иноческою», «была образом и примером иночества». Действительно все в этой общине и она сама была «не от похоти мужския рожденною, ни – от похоти женския». Уже в ней ничего не было «от плоти»: все устремления – «духовные», все интересы «духовные»; и община эта была, конечно, зачатком и прообразом «духовенства», греко-русского, латинского, германского. Кой-кто из них был женат; но каким-то боковым способом, не центрально, не главным образом. Как и духовенство всемирное с тех пор имеет семью «как сбоку припека», «дозволенную» (у нас), замененную «экономками и служанками» (у католиков). Везде от семьи остались «поскребыши», хлам: сердцевина была выедена. Сердцевина величия, сердцевина яркого признания, сердцевина верности и доблестей. Точно вокруг семьи, этого «райского дерева», этого «дерева жизни», походил больной, калека; и заразил ее калечеством своим, «убогим видом».

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Только от древа райской жизни – от семьи —
Сиянье нежной радости исходит —
Увы – в веках – «духовные пути» —
Калечат – сущность —
всей таинственной природе!

Медитация 384

«Да, психологическое основание для перелома, конечно, было, но не было основания религиозного, т. е. относящегося «до вечности» и в себе самом заключающего «вечность». Вся древняя цивилизация износилась, истерлась... Стреляли, стреляли из пушки – и она обратилась в «кувалду»: нарезы сгладились, ствол измялся, вся она «деформировалась»... Вчера сыт, сегодня сыт, всегда был сыт: нужно и поголодать, хочется поголодать. Но это – феномены, психические состояния, перемены бытия, жизнь\ Нет жизни, где нет перемен, пульса. Вот в смысле «пульса» покаяние и пост, пустыня и молитва были нужны. Но, повторяем, – это феномен, который никогда не смел переходить в религию, в котором не было содержания для религии! В этом все дело. Но и затем вопрос: где «изначальная правда» и где «первородный грех», в светлом ли взаимодействии с природой, или «в облачках» души человеческой, которые тоже есть, есть они извечно, прорезывают самую чистую радость, самый безмятежный, казалось бы, покой? Здесь, не в силах разгадать, я передам, что чувствую: хотя я вечно, казалось бы, «защищаю язычество», но на светлом пиру Эллады и я выбрал бы, сел бы рядом и заговорил бы с тобой, которую так хорошо очертил поэт:

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена...»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Лишь жажда – тяга вечных перемен —
Заставляла строго думать – голодать —
Но это был безумный феномен —
А в облачках души – сияла Божья мать!

Медитация 385

Предположение, что пол есть «цельная величина» и вообще не «текущее», породило ожидание, что всякий самец хочет самки и всякая самка хочет самца; ожидание, до того всеобщее, что оно перешло и в требование: «всякий самец да пожелает своей самки» и «всякая самка да пожелает себе самца»... «Оплодотворяйтесь и множитесь», конечно, это включает. Но навсегда останется тайной, отчего же при универсальном «оплодотворяйтесь, множитесь», данном всей природе, один человек был создан в единичном лице Адама! Изумление еще увеличится, если мы обратим внимание, что позднее из Адама вышла Ева, «мать жизни» (по-еврейски – «мать жизней», яйценосная, живородящая «ad infinitum» – До бесконечности (лат.)), т. е. что в существе Адама скрыта была и Ева, будившая в нем грезы о «подруге жизни»... Адам, «по образу и подобию Божию сотворенный», был в скрытой полноте своей Адамо-Евою, и самцом, и (in potentia – В возможности (лат.)) самкою, кои разделились, и это – было сотворением Евы, которою, как мы знаем, закончилось творение новых тварей. «Больше нового не будет». Ева была последней новизной в мире, последней и окончательной новизной.»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Адамо-Евою был в скрытой полноте —
Самый первый и безгрешный человек —
Но Бог предал его огню – в своей мечте —
Разделив – на 2 – один побег!

Медитация 386

«Лишь в силу всеобщего ожидания „всякий самец хочет самки“ и т. д. образовалось и ожидание, что самые спаривания самцов и самок имеют течь „с правильностью обращения Луны и солнца“ или по типу „соединяющихся кислорода и углерода“, без исключения. Но все живое, начиная от грамматики языков, имеет „исключения“: и пол, т. е. начало жизни, был бы просто не жив, если бы он не имел в себе „исключений“, и, конечно, тем более, чем он более жив, жизнен, жизнеспособен, животворящ... Не все знают, что уже в животном мире встречаются, но лишь в более редком виде, решительно все или почти все „уклонения“, какие отмечены и у человека; у человека же, можно сказать, нельзя найти двух самочных пар, которые совокуплялись бы „точка в точку“ одинаково. „Сколько почерков – столько людей“, или наоборот и совершенно дико даже ожидать, что если уж человек так индивидуализирован в столь ничтожной и не представляющей интереса и нужды вещи, как почерк, чтобы он не был индивидуализирован также в совокуплениях. Конечно, „сколько людей – столько лиц, обособлений в течении половой жизни“. Это не только всеобщее „так“: но было бы порочно, преступно, „нищелюбиво“ и „нищеобразно“, и совершенно уродливо, если бы это не было „так“. Всякий „творит совокупление по своему образу и подобию“, решительно не повторяя никого и совершенно не обязанный никому вторить: как в почерке, как в чертах лица...»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Всякий творит любовь – совокупление —
По образу – подобию – в судьбе —
У каждого – свое предназначенье —
Но исчезают все в одной земной борьбе!

Медитация 387

«„Всеобщее ожидание“ в области, где вообще нет и не должно быть „всеобщего“, породило ропот, осуждение, недовольство, пересуды: „Отчего та пара совокупляется не так, как все“, причем разумеется собственно – „не так, как Я“... Ответ на это многообразен: „Да вы-то точь ли в точь живете так, как все?“ или: „Я не живу, как вы, по той причине, по которой вы не живете так, как я“. Но, в итоге, эти „всеобщие ожидания“, присмотревшись к которым можно бы заметить, что самых-то „ожиданий“ столько, сколько людей, но только это особенное в каждом затаено про себя, – они породили давление морального закона там, где в общем его не может быть, так как вся-то область эта – биологическая, и не „моральная“, и не анти-„моральная“, а просто – своя, „другая“. Моральный закон, неправо вторгнувшись в не свою область, расслоил совокупление на „нормальные“, т. е. ожидаемые, и „не нормальные“, т. е. – „не желаемые“, причем эти „не желаемые“ не желаются теми, которые их не желают, и в высшей степени желаются теми, которые их желают и в таком случае исполняют. Все возвращается, собственно, к тому, „что есть“, как и естественно в биологии; но около того, что „есть“, с тех пор приставился раб, бегущий за торжественной колесницей жизни, хватающийся за спицы ее колес, обрызгиваемый из-под нее грязью, падающий в грязь, вновь встающий, догоняющий, опять хватающийся за спицы и неумолчно ругающийся. Он представляет собой те „ожидания всех“, которых в наличности нет с абсолютным тожеством, но к которым равнодушно присоединились и те, которые далеко отступили от нормы: равнодушно по интимности самой этой области, о которой каждый думает про себя, что ее не уконтролирует „общее правило“, и по стыдливости этой области, где каждый „свое особое“ хоронит особенно глубоко, и нет лучшего средства схоронить это „особое“, как присоединясь к „общему правилу“ и осуждая все „особое“. От совокупности этих обстоятельств и условий вытекла необыкновенная твердость, можно сказать, „незыблемость“ морального закона в половой сфере, которая в действительности не только всегда была „зыбка“, но, можно сказать, ни в одной точке своей и ни на одну минуту не переставала волноваться и представляла вечный океан, с величественными в нем течениями, с бурями, водоворотами, с прибоем и отбоем у всякой отдельной скалы... „Незыблемость“ правила шла параллельно совершенной „зыбкости“ того, к чему оно относилось; и, собственно, „зыбкость“-то и была единственным внутренним правилом, из самой сущности стихии вытекающим... Конечно, все таятся – и потому никто особенно не страдает от „общего правила“; но выпадают случаи объявления, обнаружения: и тогда поднятые камни побивают „отступника“ от того, к чему решительно никто „не прилежит“. Между тем пол – именно океан, и в нем не зародится „водоворот“ там, где ему «не указано быть», вековые течения его не перестанут и не спутаются, не расширятся и не сузятся; и все останется так, «как есть» и «предуказано», и в том случае, если правило исчезнет под давлением истины, что оно вмешалось

в область, существенно не свою. Здесь все принадлежит наблюдению и ничто исправлению.

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Пол – океан – водоворот страстей —
Несет людей – в безумное течение —
Но сколько жизней в Вечности не сей —
Как угодно ты исчезнешь за мгновенье!

Медитация 388

«Разное религия и пол – и нет их соединения в бреду, в словах, в мысли! Но если мы допустим то, что пол и действительная истинная религия имеют не только корневую близость, но и корневое тожество, единство, слиянность или, точнее, целость одного и того же существа, то все эти феномены не только объяснятся, но мы о них скажем, что „иначе и не могло быть“... При этом я совершенно допускаю, что „половой бред“ в этих медицинских случаях есть „ерунда“, как „ерундою“ же является и религиозный бред этих субъектов: это уже не меняет дела и ничего не изменяет в заключениях. Ведь и обычный бред обычных сумасшедших есть, однако же, психический бред или логическая нелепость, все-таки тем не менее логический, все-таки тем не менее психический, из этого моря, из этого океана взятый. Поэтому как только „эротический бред“ путается с „религиозным бредом“ – мы заключаем с неизбежностью, что „та капля“ и „эта капля“ – из одного моря! Иначе нельзя: ведь никто же лепет идиота не отнесет к кожным явлениям, маниакальные идеи не назовет феноменом перерождения мускульной ткани, и проч. Такой „абдекарабды“ никто не скажет: но значит и разъединить пол и религию было бы научной „абдекарабдою“. Если „бредовые“, т. е. нелепые, явления лежат тем не менее рядом, то очевидно, ясные и спокойные явления двух этих порядков текут не только рядом же, но это есть даже одна текущая река, одни воды, дающие в одной части спокойную и ясную религию, как наше отношение к Богу, как связь с Небом, как чувство Судьбы и Провидения, как мистику и трепет перед „миром Иным“, „миром Еще“, поверх эмпирической, наличной действительности; и в другой части влекущие к сближению, к совокуплению, к рождению детей, к жизни бесконечной здесь на земле,...»

Василий Васильевич Розанов

«Люди лунного света»

(метафизика христианства)

Религия – и пол – они – одно —
В своем безумном вечном совершенстве —
2 капли в море – связаны волной —
Летящей через жизнь – в святое место!

Медитация 389

«Кто выткал всю необозримую ткань нашей религиозности? – Они, они!

«Особые силы духовные!..»

«Особая, небесная помощь!»

+– пола и есть та свеча, о свете которой сказано, что «тьма никогда его не обнимет». Тьма чего? «Греха», «похоти», «вожделения к женщине», «скверны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.